

Неустойчивое развитие | Надо ли России во всем следовать принципам ESG?

Генеральный директор фонда энергетической безопасности Константин Симонов о проблемах ESG повестки, будущем отечественного нефтяного бизнеса и о том, почему в России нужно искать свой путь для применения зелёных практик.

Новая сегрегация

Жесткое деление компаний на «зеленые» и «коричневые» ведет к сегрегации бизнеса. Это означает не просто общественное порицание: компании могут иметь проблемы с получением кредитов и допуском к госзакупкам, то есть вытесняются на обочину, попадают в заведомо неравное положение. Бизнесу диктуются условия того, как он должен себя вести, каким образом функционировать и формировать свою структуру. В такой обстановке основой коммерческой деятельности становится не прибыль, а удовлетворение общественного запроса, причем зачастую манипулируемого, что в корне противоречит сути предпринимательской деятельности.

Жесткое деление компаний на «зеленые» и «коричневые» (с точки зрения экологических воздействий) ведет к сегрегации бизнеса. В крайней форме политика ESG блокирует инвестиционную активность в ряде промышленных отраслей.

Другая крайность – бесконтрольность бизнеса. Необходим баланс и внимание к

действительно насущным проблемам экологии и общества

В крайней форме это через несколько лет приведет к тому, что заниматься бизнесом будет невозможно, а значит, сократятся налоговые поступления – по сути, общество перестанет получать средства для своего функционирования. Зато появится большое количество общественных контролеров, которые будут выдавать свое мнение за общее, будут тебя маркировать «по цвету твоих штанов», а ты будешь перед ними оправдываться.

Поиск баланса

Есть и другая крайность, когда бизнес абсолютно не регулируется ни государством, ни обществом. В этом плане необходим определенный баланс, отказ от крайностей. Нельзя возвращаться к дикому капитализму позапрошлого столетия. Если за бизнесом не следить, то он начнет экономить на всем, и будет представлять большую опасность в том числе для окружающей среды.

Но ведь предлагается это все решать имитационными инструментами, например, сертификатами на выброс углерода. Скажем, компания является очевидным загрязнителем, но покупает сертификат на выбросы или получает квоту от государства, а как только к ней обращается возмущенное общество, она просто показывает бумагу, на которой написано, что она за свои выбросы платит, а деньги, заплаченные за сертификат, идут на посадку 10 пальм с парниковым поглотительным эффектом в Африке. Именно так в СССР директора заводов откупались штрафами за провал сроков запуска очистных сооружений. При этом компания продолжит отравлять людей на территории деятельности, причем не влиянием на климат всей планеты, а конкретными выбросами в конкретной географической точке. В нашей стране есть такие вполне очевидные загрязнители, все о них хорошо знают.

В такой же несбалансированной логике предлагается переходить на ВИЭ и бороться с двигателями внутреннего сгорания. Что, если мы завтра решим полностью перейти на электромобили и солнечные батареи? Достаточно посчитать, какие затраты нужны для добычи, к примеру, лития, кобальта, никеля, железной руды и какой эффект это окажет на экологию, какой будет ущерб от утилизации этих транспортных средств и солнечных панелей. Но этого никто не подсчитывает. Берут парниковый след использования солнечной батареи или аккумулятора электромобиля, не считая его производства и утилизации.

При этом совершенно очевидно, что нормативы на ДВС в России на сегодняшний день очень мягкие и нуждаются в ужесточении. Достаточно понаблюдать за проезжающими машинами, чтобы невооружённым глазом увидеть: ущерб экологии колоссальный. Грузовики ездят на «асфальте».

Может быть, эти реальные проблемы гораздо проще решить, введя разумные нормативы? Поэтому я лично считаю, что нужно избегать крайностей и следовать здравому смыслу: зачастую он под ногами, и решение настолько очевидно, что даже голову ломать не нужно.

Понимают ли в России, что такое ESG?

Для начала нужно разобраться, что такое ESG. Со стороны это выглядит как какое-то сакральное знание, принесенное нам из-за рубежа. И все мероприятия на тему ESG выглядят так, будто пришли умные люди к дикарям и рассказывают, как сейчас в цивилизованном мире принято есть ножом и вилкой. Сейчас разговор об ESG имеет характера не национальной дискуссии, а проповеди.

При этом не вполне ясно, как ESG соотносится с актуальной российской повесткой:

Россия позиционирует как себя самостоятельная страна, которая не гнется под санкциями, на которую бессмысленно давить. Это

хорошо видно на примере Валдайского клуба, где Владимир Путин заявил, что Россия – центр консерватизма и двигаться нам нужно именно в этом направлении.

ESG – это придумка западной культуры. Эти принципы не осмыслены в национальном контексте. ESG нуждается в смысловом переводе

В теме ESG никто не задает вопросы: насколько это соответствует тому, что декларируется на высоких трибунах относительно консервативных ценностей? Новая повестка – это не только Environmental, там есть и другие слова. Мне кажется, нужно хотя бы расшифровать эти слова на публичном уровне, и обсудить каждую букву. Перевести понятия на русский. Ведь с большой долей уверенности можно сказать, что большинство людей, оперирующих данной аббревиатурой, даже не понимают ее смысл. Все решили стать зелеными, но вот, скажем, с соуправлением как быть?

Нефтяная отрасль под влиянием новых стандартов

В ситуации введения ESG стандартов добыча нефти становится, в представлениях ряда активистов, чуть ли не криминальным видом деятельности и все идет к тому, что эта отрасль вскоре может повторить судьбу табачной индустрии. На данный момент с ней мирятся, но ярлык уже навешен, и у этого сектора есть два пути.

Первый путь – постоянно извиняться, каяться в содеянном и обещать, что скоро они перейдут на зеленую энергию, так, например, поступают европейские компании.

Американские же компании идут иначе: они не обращают внимание

на возгласы защитников экологии и равнодушных государств, заявляя, что нефть – это жизнь, движение и прогресс. Тем более, о переходе на зеленые стратегии часто говорят те нефтяные компании, у которых дефицит запасов.

Будущее российской нефтяной отрасли

Россия продает нефть не только на восток, но и в Евросоюз. Возникает вопрос, как российские компании будут встраиваться в эти стандарты. Бессмысленно в американском стиле плевать на новые требования. То, что позволено американским компаниям, не позволено нам. Да и в Америке тоже ситуация меняется – известный случай, как зеленые миноритарии проникли в совдир Эксона. Поэтому наши компании проявляют осторожность.

И хотя в октябре 2021 года Игорь Сечин сделал в Вероне провокативное выступление, аргументируя то, что зеленая энергетика не доведет до добра, все равно «Роснефть» публикует отчеты, пытаясь убедить европейскую общественность, что она «зелена» и может снизить парниковые выбросы и дальше.

При этом складывается картина, что для нашей отрасли европейский путь может оказаться тупиковым. В России не будет замены углеводородов на зеленую энергию просто по климатическим и географическим причинам. И российскому бизнесу не нужно доказывать всем, что он идет по «зеленой» дороге. Однако, совершенно очевидно, что есть вещи, которые наши компании должны делать и уже отчасти делают. Хороший пример – утилизация попутного газа. Под влиянием государства компании начали работать в этом направлении, особенно после того, как получили немало штрафов.

Нефтяная отрасль крайне уязвима в рамках ESG-повестки. Российские нефтяные компании не могут игнорировать новые требования. Но и идти по пути

европейских регуляторов, обещая перейти на зеленую энергию, бессмысленно. При этом есть совершенно конкретные полезные вещи, которые наши компании должны делать и уже отчасти делают – утилизация попутного газа, подземные хранилища парниковых газов, новые стандарты топлива, модернизация переработки

Кроме того, компании разрабатывают принципиально новые технологии. Например, «Газпром нефть» говорит о технологиях по улавливанию углерода на промышленных производствах, например, на металлургических комбинатах, а также о строительстве резервуаров по хранению CO₂: у нефтяников есть исчерпанные месторождения, формирующие естественные хранилища. И этот новый бизнес имеет отчетливую ESG-окраску. Также нужно упомянуть новые стандарты в нефтепереработке: все ВИНКИ сделали большие инвестиции в эту отрасль, в МНПЗ и другие крупные заводы, а это одновременно снижает воздействие на среду и дает новое качество топлива.

Нефтеперерабатывающая отрасль за последние десять лет очень сильно изменилась, пусть это пока не нашло отражения в массовом сознании. И есть еще масса вещей, которыми нужно заниматься. Есть проблемы с точки зрения социальной ответственности – скажем, ситуация с вахтами. Это тоже вызовы для компаний. Неплохо бы задуматься о том, в каком состоянии отрасль и на все ли реальные вопросы она уже нашла ответ.